

УДК 821.161.2
ББК 83.3(4Укр)

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ПОГРАНИЧЬЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ, ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ И СИТУАТИВНЫЙ АСПЕКТЫ (Чужое – Иное – Свое)

© 2019 г. Ю.Я. Барабаш

*Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 20 февраля 2019 г.

Дата публикации: 25 сентября 2019 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-3-290-329

Аннотация: Заметно оживившиеся в последние десятилетия научные дискуссии по проблематике пограничья давно вышли за первоначальные рамки американского «тезиса фронта», связанного со специфическими условиями и обстоятельствами эпохи освоения Дикого Запада. Ныне эти дискуссии охватывают многие сферы гуманитарного знания, они приобретают всё большую актуальность в контексте современного этапа мирового исторического развития как маркер новых цивилизационных черт и особенностей этого этапа. Речь идет о процессах глобализации и глокализации, присущих им множественности и альтернативности вариантов, о непредсказуемости, подчас причудливости и нестабильности их сочетаний, о возникающем на этой основе разнообразии амбивалентных форм и переходных состояний. В статье определяются ключевые теоретико-методологические принципы, лежащие в основе интенционального (по Р. Карнапу) подхода к пограничью как концепту; предлагается ряд типологических моделей этнокультурного пограничья. Выборочно, под углом зрения мировоззренческо-философской и социопсихологической триады «Чужое–Иное–Свое», рассматриваются примеры историко-литературных ситуаций в геополитических и этнокультурных зонах Украины (конкретно – австро-украинское и польско-украинское пограничья). Анализ проводится в диахроническом и синхроническом ракурсах, с учетом контекстуальных факторов – генетического, исторического, геополитического, межнационального, идеологического, социо- и этнокультурного.

Ключевые слова: пограничье, фронт, концепт, контекст, этнокультурная зона, типология, модель, компаративный, Чужое–Иное–Свое.

Информация об авторе: Юрий Яковлевич Барабаш – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: barabash.yuri@gmail.com

Для цитирования: *Барабаш Ю.Я.* Этнокультурное пограничье: Концептуальный, типологический и ситуативный аспекты (Чужое – Иное – Свое) // *Studia Litterarum.* 2019. Т. 4, № 3. С. 290–329. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-3-290-329

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

ETHNOCULTURAL FRONTIER: CONCEPTUAL, TYPOLOGICAL, AND CIRCUMSTANTIAL ASPECTS (Alien – Other – One's Own)

© 2019. Yu.Ya. Barabash

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Received: February 20, 2019

Date of publication: September 25, 2019

Abstract: Scholarly discussions of the frontier, conspicuously vibrant in the recent decades, have expanded the former regional framework of American frontier related to the specific conditions and circumstances of the time of the Wild West colonization. Currently, these discussions cover various fields of humanities, and are becoming more relevant at the present stage of the global historical development, as they signal new civilizational traits and specific features of this stage. By this, I imply globalization and glocalization processes that encompass multiplicity and variability, also unpredictability, oddity, and non-stability of combinations as well as diversity of ambivalent forms and transitive states emerging on this basis. The article defines key theoretical and methodological principles forming the intencial (according to R. Carnap) approach to the concept of the frontier; it also suggests a number of typological models of the ethnocultural frontier. Finally, it analyzes select literary cases that emerged in geopolitical and ethnocultural zones of Ukraine (namely Austro-Ukrainian and Polish-Ukrainian frontiers) within the framework "Alien – Others – One's own." The analysis, both diachronic and synchronic, specifically considers contextual factors, i.e. genetic, historical, geopolitical, international, ideological, and sociocultural contexts.

Keywords: frontier, concept, context, ethnocultural zone, typology, model, Alien – Other – One's own.

Information about the author: Yuri Ya. Barabash, DSc in Philology, Professor, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: barabash.yuri@gmail.com

For citation: Barabash Yu.Ya. Ethnocultural Frontier: Conceptual, Typological, and Circumstantial Aspects (Alien – Other – One's own). *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, no 3, pp. 290–329. (In Russ.) DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-3-290-329

Более двадцати лет тому назад я опубликовал (в двух вариантах: в журнале «Вопросы литературы» — 1997, № 3, затем в коллективном труде ИМЛИ РАН «История национальных литератур. Перечитываемая и переосмысливаемая». Вып. III. М., 1998), — статью «К проблеме “концы–переходы–начала”. В связи с одной сквородинской реминисценцией у И. Котляревского». Рассмотрение локального вопроса — вероятный, по мнению некоторых исследователей, отголосок песни Г. Сквороды «Всякому городу нрав и права» в «Наталке Полтавке» и дискуссии вокруг этой версии — выводило автора статьи к размышлениям более широкого, общеметодологического плана, касающимся внутренней динамики историко-литературного процесса, «механизма» смены литературных эпох, направлений, стилевых течений. Хотя я ссылался на И. Франко, который в свое время дал нам важную «подсказку», заметив, что Скворода стоял «на грани двух эпох», она меня тогда не подтолкнула к осознанию «пограничья» как теоретико-методологической проблемы. Это пришло позднее, в работах о Сквороде и более всего — о Гоголе.

«Пограничье» — одно из самых актуальных и, может показаться, новейших, недавно вошедших в терминологический тезаурус современной гуманитаристики понятий, на самом же деле у него многоступенчатая родословная, ведущая свое начало по меньшей мере с начала новой эры.

Античным предком «пограничья» был римский «Limes» — граница, приграничная полоса, таможенная зона; нынешняя научная дисциплина, изучающая границы, признает это родство, приняв название «лимология».

Хронологически значительно более близким (хотя все же с дистанцией в сто с четвертью века) предшественником «пограничья» следует,

видимо, считать «фронтир» — понятие, введенное в научный обиход ассистентом Висконсинского университета Фредериком Джексоном Тёрнером в докладе «Значение фронта в американской истории», который он прочитал в Чикаго 12 июля 1893 г. на съезде Американской исторической ассоциации; съезд проходил в рамках Всемирной Колумбовой выставки, посвященной 400-летию открытия Америки.

Понятие «фронтир» (англ. Frontier — «граница», «рубеж»), изначально привязанное к специфическим условиям и обстоятельствам эпохи освоения американского Дикого Запада и обозначающее подвижную цивилизационную границу между еще не освоенными и уже освоенными землями, между девственной природой и цивилизацией (по Тёрнеру, это «точка встречи дикости с цивилизацией»), быстро обрело широкую популярность как компонент национального исторического мифа. Сформировался целый пласт связанного с фронтиром фольклора, в частности, так называемого хвостовского юмора, а романтика покорения новых территорий, образ фронтисмена, первопроходца, пионера и охотника, бродячего философа, трикстера и просто продувной бестии стали своего рода литературными архетипами (см.: Ф. Купер, В. Ирвинг, У. Уитмен, Марк Твен и др.). В американской исторической науке «фронтир» стал одним из ключевых терминов. Опирающаяся на него «теория границы» (или «тезис фронта» — англ. Frontier Thesis) в течение долгого времени оставалась практически доминирующим направлением в исследованиях, посвященных американской истории, лишь в 30-х гг. прошлого века став объектом критического анализа; впрочем, интерес к теории, а тем более сопровождающий ее мифологический «шлейф» в массовом американском сознании, сохраняются до сих пор (исследователь вопроса И. Черновол приводит данные, согласно которым сетевая библиотека «Questia» в октябре 2010 г. на запрос «Frederick Jackson Turner» предлагала просмотреть 10020 книг, 791 журнальную статью, 81 газетный текст и 6 энциклопедических справок).

Процесс эволюции и трансформаций «тезиса фронта» в его первичном, тёрнеровском, толковании проходил (он не завершён по сей день) по нескольким линиям и на различных уровнях. Обобщенно вектор этого процесса можно определить следующим образом: формирование компаративного подхода — как сравнительно-исторического, так и сравнительно-типологического его вариантов, — к проблеме и, в этом ракурсе,

расширение пространственно-географических и исторических границ применения теории фронта, выход ее на иные, помимо североамериканского, ареалы, преимущественно имперского типа, к колониционным и постколониционным аспектам. Таковы, например, штудии Герберта Болтона, ученика Тёрнера, президента Американской исторической ассоциации, об испанской колонизации Латинской Америки и о значении испаноязычного фактора («испанский фронт») для североамериканской культуры. Таковы также работы Оуэна Латтимора о «внутриазиатских китайских фронтах», посвященные проблеме «границ империи», рассмотрению различных ее аспектов — «естественного» (географические рубежи) и «искусственного» (политические и экономические факторы). Компаративистские исследования ряда американских и европейских авторов (У. Макнил, Д. Ледон, А. Рибер, Д. Тредголд, А. Каппелер) включают в себя российский исторический фронтальный дискурс, отмеченный прямым либо косвенным влиянием дихотомии леса и степи С. Соловьева, концепций русских евразийцев, в частности, Л. Гумилева, П. Савицкого. На рубеже XX–XXI вв. в Восточной Европе, в условиях и под воздействием связанных с распадом Варшавского блока дезинтеграционных тенденций и одновременно с поиском новых интегративных факторов, активизировался интерес историко-культурологической мысли к фронтальным процессам на польско-литовско-белорусско-украинском пограничье, к этнокультурным традициям Великого княжества Литовского и его столицы — Вильно, в частности, к представляющей эту традицию в нашу эпоху знаковой фигуре Чеслава Милоша, польского писателя-интеллектуала, Нобелевского лауреата (см.: [20]). Исследователь творчества Милоша и его последователь польский писатель, культурный деятель К. Чижевский в начале 1990-х гг. создает в г. Сейны успешно функционирующий уже более четверти века Центр [26]. В 2011 г. Чижевский в качестве представителя Центра принимал участие в подготовке и реализации международного проекта «Уроки Милоша для Украины», в рамках которого во Львове, Днепрпетровске и Харькове прошли панельные дискуссии по фронтальной проблематике и различным аспектам диалога цивилизаций в восточноевропейском регионе в прошлом и настоящем.

Советская историческая наука, во всяком случае ее официальный мейнстрим, к тёрнеровской теории фронта относилась со сдержанным, но безусловным критицизмом, ее упрекали в «навязывании» тезиса об ис-

ключительности пути исторического развития США, но в первую очередь в недооценке, более того, игнорировании экономического фактора и классовых противоречий (что, надо заметить справедливости ради, действительно имело место). Лишь в постсоветское время в России появились работы, отмеченные стремлением к объективному анализу американской концепции фронта, в частности, наследия Ф.Д. Тёрнера (Н. Белаш [Замятина], Е. Гринь, В. Согрин, Д. Троицкая), разрабатывается система критериев в определении социопсихологической и культурной природы фронта. Так, Н. Замятина, исследователь проблем культурной географии, называет главным критерием, по которому фронт/пограничье отличают от остальной территории той или иной страны, «фактор свободы» в широком смысле этого понятия — свободы от устоев и традиций, от классовых и сословных условностей, свободы от государственных, общественных, правоохранительных структур, наконец, свободы для всех, кто населяет пограничье, широкой, в значительной мере стихийной демократии [2, с. 75–89]. В ряде работ фронтальная теория и методология прилагодятся к тем или иным аспектам российской исторической, географической и этнографической реальности, например, к зоне Южного Прикаспия и примыкающих северных провинций Ирана, к российским «Сибирскому» и «Северокавказскому» фронтам, к теме «Степи» и связанным с нею различным формам номузма, с феноменом казачества.

В казаковедческой проблематике, традиционно занимающей одно из ключевых мест в украинской — да и в инациональной, посвященной Украине, — историографии (вспомним распространенный слоган: «Мы — казацкая нация»), в последние четверть века заметна тенденция к сближению с компаративно-фронтальным направлением в мировой науке, историки стремятся, отказавшись от устоявшихся стереотипов и освоив имеющиеся в этой области теоретические и методологические наработки, внести в национальный казаковедческий дискурс новые подходы, в том числе учитывающие фактор фронта. Инновационное значение в этом плане имела обоснованная в работах Я. Дашкевича концепция Большой границы (укр. «Великого кордону», или — у некоторых его последователей — «Степового кордону»), параметры которой определяются как географическими и природными факторами, так и цивилизационными, социоэкономическими, этноконфессиональными, этнокультурными [1, с. 7–20]. Ряд исследо-

ваний по истории украинского казачества сориентирован на концепцию Я. Дашкевича [9; 19, с. 241–246]. Значительный резонанс вызвала монография И. Чорновола «Компаративные фронтиры» [27], в которой широкий охват материала по истории вопроса, заявленный уже в подзаголовке — «Мировое и отечественное измерения», — и высокий уровень исследования этого материала сочетаются с постановкой актуальных задач, стоящих, по убеждению автора, перед украинской историографией в ракурсе концепции компаративного фронта.

Важный аспект упомянутой дискуссии и, шире, «фронтирного» дискурса как такового — аспект терминологический. Четкость дефиниций и связанных с нею смысловых акцентов приобретает актуальность на фоне достаточно широкого разброса понятий, употребляемых в дискурсивной практике как параллельные понятию «фронтир», а то и прямые его аналоги. Кроме «пограничья», в этом качестве часто выступают такие понятия, как «порубежье» (укр. — «помежів'я», «прикордоння», польск. — «kresy»¹, англ. — «borderland»), различия между которыми нередко становятся предметом научных споров, поводом для редефинирования терминов. Не вдаваясь в подробное рассмотрение этих споров, отметим, что различия между разными точками зрения относятся (если, по необходимости, представить ситуацию в «укрупненном», т. е. несколько схематизированном виде) к двум аспектам. Во-первых, это различие между линейным подходом к понятию «фронтир», однозначным толкованием его как разделительной «границы», «кордона», border'a и подходом пространственным, согласно которому фронтир — это некая полоса, соединительная зона, во-вторых, между акцентированием в определении «фронтир» и его коррелятах («пограничье», «прикордоння», «лиминальное пространство», «kresy», «borderland») геополитического аспекта и признанием доминирующими коннотации социального, духовного плана — религиозные, этнические, социопсихологические, культурные.

Польский исследователь С. Ульяш, автор книги «О литературе кресов и пограничье культур», выделяет две формы культурного пограничья: пограничье стыковое, для которого характерно наличие четкой, иногда жесткой демаркационной линии, и переходное, или переходная зона. «На таком

1 Kresy Wschodnie («Восточная окраина») — польское название территорий нынешней Западной Украины, Белоруссии и Литвы, которые с 1918 по 1939 гг. входили в состав Польши.

пограничье со временем возникает определенный тип общества и его культуры <...> Проникновение и смешение культур превращает пограничье в переходное пространство, своеобразный мост между ценностями культур» [34, с. 10–11].

Следует заметить, что разграничительные признаки понятий достаточно гибки, «фронтир-кордон» и «фронтир-зона» не всегда противоречат друг другу, возможны обстоятельства, в которых момент острого противостояния входит в качестве одной из составляющих, или отличительных черт, в более широкое понятие зоны, внутри последней складывается «фронтирная ситуация» (скажем, вызванные губристическими мотивациями вспышки межэтнических либо межконфессиональных конфликтов в традиционных, «устоявшихся» пограничных зонах).

Что касается собственно терминологического аспекта, то оптимальным (во всяком случае, на данный момент, пока не предложен иной вариант) представляется термин «пограничье», которым обозначается — вслед за О. Латтимором, а в современной украинской исторической науке за Я. Дашкевичем, — фронтир как этноконтактная зона интенсивного взаимодействия, включая противоречия, противостояние различных цивилизационных векторов в многоконфессиональном и полиэтнокультурном пространстве. И. Чорновол также определяет фронтир как зону, а не линию, но предпочитает в качестве аналога тёрнеровского термина такие понятия, как «рубеж» и «порубежье», решительно отклоняя «пограничье», которое ставит в один ряд с «границей». Не вполне ясно, какие критерии положены исследователем в основу противопоставления понятий «рубеж» и «граница», «порубежье» и «пограничье».

Слово Frontier, до Ф.Д. Тёрнера встречавшееся в Америке исключительно в статистической сфере, в практике переписи населения, в сформулированной им теории обрело значение научного понятия. Ныне «фронтир» — как термин и как концепт, а также его современный трансформант — «пограничье» (в отмеченные выше тонкости сходства и различий далее не будем вдаваться) составляют терминологическое ядро тезауруса целой научной дисциплины, лимологии, охватывающей широкий круг исторической, географической, геополитической, националогической, социокультурологической проблематики. Процессы в этой сфере развиваются по двум векторам.

«Фронтир/пограничье» — феномен, в котором наука когда-то разглядела характерную примету локальной, с точки зрения времени и пространства, ситуации, в нынешних условиях осмысливается гуманитарным сознанием в контексте современного этапа мирового исторического развития как маркер новых черт и особенностей этого этапа. Такой подход получил обоснование и развитие в коллективном труде «Проблемы культурного пограничья» [5; 7], изданном на основе материалов проведенной в 2012 г. в ИМЛИ РАН международной научной конференции «Цивилизационно-культурное пограничье как генератор становления мировой культуры/литературы». В инновационной по своему характеру статье В. Земскова, открывающей этот труд, определены направления комплексного исследования мирового гуманитарного процесса в ракурсе концепции цивилизационно-культурного пограничья [4].

Современному процессу глобализации присущи такие черты, как множественность и альтернативность вариантов, непредсказуемость, подчас причудливость их сочетаний, возникновение на этой основе разнообразия промежуточных, амбивалентных форм и переходных состояний. В этих тенденциях проявляются — пусть не всегда отчетливо и полно — признаки, характерные для историко-цивилизационного пограничья, которые есть основания расценить как свидетельство того, что в недрах нынешней культурной эпохи назревает переход к сущностным, а быть может, и коренным, качественным сдвигам (какого характера — на этот счет существуют разные мнения), более того, к некой, возможно совсем новой, цивилизационной парадигме. По данной проблематике уже ведутся интенсивные дискуссии в интеллектуальной сфере и в специализированных изданиях — западных, а в последнее время и отечественных².

Таков один вектор процесса.

Другой (не второй, а именно другой, далеко не второстепенный) вектор связан со все более нарастающим в современном, постмодерном мире влиянием альтернативных первому вектору тенденций, формирующихся на

2 Упомянувшийся выше Кшиштоф Чижевский связывает приближение «абсолютной смены культурной парадигмы» с углублением пограничных процессов в этой сфере [Чижевський К. Культура і солідарність. URL: <https://zbruc.eu/node/14906> (дата обращения: 15.01.2019)]. См. также некоторые материалы, публикуемые сетевым журналом «Иначе», последовательно придерживающимся принципа альтернативности по основным направлениям гуманитарной мысли.

периферии глобального тренда — казалось бы, всеохватывающего, — более того, подчас и в его недрах, тенденций, казалось бы противоположных этому тренду по своей сути и направленности. «Казалось бы» — потому что сегодня обе тенденции предстают не только — а в известной мере и не столько — как разнонаправленные, сколько разноуровневые, однако тесно между собою связанные, в определенной степени взаимодействующие в режиме диалектического сочетания моментов отталкивания и сближения. Глобализация и глокализация — это две стороны сложного, внутренне противоречивого, но в сущности единого процесса. На его разных уровнях преобладают разные тенденции и модели. Если, скажем, в экономике, в сегментах, относящихся к материальным параметрам жизни общества и человека, глобализационный тренд сохраняет значительное влияние (хотя становится все более очевидно, что некоторые конкретные формы его проявления нуждаются в критическом анализе, если не пересмотре), то в политической сфере, в идеологии, особенно в национальных отношениях, в этнокультурной сфере и во внутренних процессах самой культуры глокализационные, автономистские тенденции противостоят (иногда в крайних формах) стандартизации, сопровождающей глобализацию и ею, глобализацией, порождаемой, здесь доминирует ориентация на многообразие, на «культурный федерализм», на самобытность, «самость», на традицию «малой отчизны» и одновременно на дерзкую новизну, «выламывающуюся» из обще («глобально») принятой нормы. Эта доминанта естественным образом предопределяет наличие множественных форм и сложной системы со- и взаимоотношений между ними, т. е., если говорить о «фронтальном» начале, то в трактовке, предусматривающей его корреляцию с такими понятиями, как пограничная зона, «диффузия границ», переходные формы и состояния, амбивалентные тенденции. Последним принадлежит особая роль в процессах духовно-культурного развития тех территориальных образований (стран, регионов, «окраин», районов), для которых характерны такие факторы, как геополитическая зыбкость, дуальность (исторически сложившиеся или, тем более, искусственно созданные), вытекающая из этого невысокая степень легитимности, как полиэтничный состав населения, существенные внутренние языковые, религиозные, обычаевые различия, некие конфликтные «зарубки» в национально-исторической памяти. Таких мест более чем достаточно во всем мире, в том числе и в благополуч-

ном, «устоявшемся» европейском Старом Свете, причем в данном случае имеются в виду даже не зоны открыто конфликтного этнополитического или этноконфессионального противостояния (Сербия — Косово, Каталония — Мадрид, Ирландия — Северная Ирландия), а «тихие», казалось бы, едва «тлеющие» и сугубо гуманитарные пограничные ситуации, связанные, к примеру, с функционированием шотландского, ирландского, мэнского (гэльских) и валлийского языков в рамках официального (и общепринятого) англоязычия, или окситанского (провансальского) как «поощряемого языка» во Франции, или нидерландского в Бельгии.

На пространстве бывших Российской империи и СССР пограничная проблематика актуализировалась в постсоветских условиях, правда, часто в узко понимаемых «чисто» фронтирных, геополитических версиях, хотя на самом деле линейка таких версий, разумеется, длиннее. Так или иначе дремавшие до поры либо загнанные в подполье национальные и исторические обиды автономистские устремления, глокализационные тенденции после распада империй вышли наружу, более того, обостренно проявились как в отношениях между некоторыми вновь созданными или воссозданными государствами-соседями, так и внутри некоторых — если не большинства — из них.

Украина не стала исключением. Скорее — характерным и примечательным «случаем» Истории.

В самом национальном имени страны, этнониме «Украина», этимологически восходящем к понятиям «край», «окраина» — восточный край европейского материка, западный край материка евразийского, отражены ее пограничный статус и связанные с ним особенности исторической судьбы³. «Фактор пограничья» современная украинская и, в значительной

3 Придерживающийся этой этнонимической концепции Я. Дашкевич (на нее ссылается и поддерживает ее также И. Чорновол) обращает внимание на то, что сегодня в Европе есть, кроме Украины, еще только два государства, со времен Средневековья сохраняющих в своем имени указание на окраинный, пограничный статус, это Австрия (Österreich — Восточное государство, имеющее Восточную границу [рубеж, пограничье]), и Дания (Danmark — «окраина [участок, граница, пограничье] датчан»). Надо заметить (деталь весьма существенная, хотя формально, может показаться, не относящаяся непосредственно к теме разговора), что Я. Дашкевич понятие «окраинности» как первичное для происхождения этнонима «Украина» (в записи Ипатьевской летописи от 1187 г. — «Оукраина») рассматривает в контексте своей полемики по этому вопросу с коллегами из среды украинских историков, считая отрицание данного факта «парадоксальной реакцией» на «комплекс неполноценности», «псевдопатриотической фобией» [14, с. 93–94].

степени, мировая гуманистика признает одним из ключевых критериев в характеристике и оценке ряда противоречивых процессов национальной истории и культуры, советского, а также постсоветского этапов социо- и этнокультурного развития, неординарных явлений, сложных этнокультурных отношений и взаимовлияний в пограничных зонах как во внутреннем поликультурном пространстве Украины, так и между Украиной и ее соседями на европейском и евроазиатском направлениях.

* * *

Традиция западноевропейской украиники, т. е. постижения Европой Украины как исторического, геополитического фактора и духовно-культурного феномена, имеет тысячелетние корни. Д. Наливайко в посвященной этой проблеме фундаментальной монографии «Глазами Запада» прослеживает, в имагологическом плане, различные этапы данного процесса, начиная от периода Киевской Руси, затем Галицко-Волынского княжества, Галицкого королевства (в западных источниках — *Regnum Galiciæ, Regnum Russiæ*), через эпоху европейского Возрождения до XVII–XVIII вв. — знаменитых трудов Боплана («Описание Украины», 1651, 1660) и Шерера («Анналы Малороссии», 1788). Исследователь обращает внимание на то, что с самого начала Русь-Украина воспринималась как составляющая европейского пространства, причем пограничная его часть, расположенная на краю изведанной ойкумены, за пределами которой «все словно тонуло в тумане, смешиваясь и переплетаясь с фантастическим, трансцендентно-мистическим, потусторонним, с неизведанными и загадочными мирами» [21, с. 517]. XIX в. дает примеры художественного освоения темы европейскими писателями, в первой половине века это поэма Байрона «Мазепа» и сочинения представителей польской «украинской школы» XIX в. (Т. Падура, С. Гошинский, Б. Залесский, Ю. Словацкий, М. Чайковский), во второй его половине — первой половине XX в. украинские мотивы проходят через творчество Л. Захер-Мазоха, Р.М. Рильке, Й. Рота, К.-Э. Францоza, Я. Ивашкевича, Г. Дроздовского, С. Винченза, Я. Парандовского, Е. Стемповского, А. Хцюка и др. Следует, разумеется, учитывать, что форма и приемы воплощения этих мотивов, степень глубины и адекватности художественного освоения проблематики различны у разных авторов. К тому же примем во внимание тот факт, что в большинстве случаев украинская тематика составляла лишь

часть создаваемой писателем творческой продукции, чаще всего не главную (впрочем, были исключения).

Очевидно, что вхождение писателя в инациональную, иноязычную среду, в мир иных исторических и духовных традиций, специфических ментальных особенностей, культурных ценностей и бытовых привычек, если даже этот мир, в силу каких-либо обстоятельств, обычно биографического характера, не совсем чужой ему, то все-таки не свой, во всяком случае, иной, — такое вхождение не может быть простым. Писатель оказывается в противоречивой, не всегда для него комфортной атмосфере, определяемой совокупностью фронтирных, пограничных, переходных состояний, векторы динамики и трансформации которых могут быть — и часто, если не как правило, на самом деле являются — разнонаправленными, зигзагообразными, ведущими к далеко не всегда предсказуемым результатам.

В современной гуманистике данная ситуация рассматривается в рамках и под углом зрения мировоззренческо-философской и социопсихологической триады «Чужое–Иное–Свое». В последние годы наблюдается очевидная тенденция актуализации проблематики, связанной с этой триадой, что, как представляется, можно объяснить рядом объективных факторов, характеризующих нынешнюю цивилизационную эпоху. Это, например, сложнейшая, исполненная драматизма диалектика идущих в мире процессов глобализации/антиглобализации/глокализации и одной из форм проявления этих процессов — миграции. Они оказались неожиданными для западного политикума, прежде всего европейского, и для «глобализаторов» из числа членов мирового научного гуманитарного сообщества, которых американский историк Джереми Адельман называет «летописцами глобальности». Это и похожие ситуации в различных точках постсоветского пространства, в частности, в этнокультурной сфере, где на смену декларациям о «дружбе народов — дружбе культур» приходят опыты объективного исследования реальных пограничных явлений и процессов.

Ряд публикаций в специальных научных и сетевых изданиях посвящен широкому кругу аспектов проблемной триады «Свое–Иное–Чужое».

Внимание привлекает, в частности, ее радикальная (не просто сокращенная) версия — оппозиция «Свое–Чужое» [36]. Этот древнейший «маркер» этнической самоидентификации личности, один из константных концептов коллективного мироощущения, самосознания нации, рассма-

тривается в историческом ракурсе, на примерах из истории философской мысли и литературы: русской — западники/славянофилы, Гоголь, Достоевский, Вл. Соловьев, Л. Карсавин, В. Набоков, украинской — Скворода, опять же Гоголь, Шевченко, П. Кулиш, М. Драгоманов, Ю. Шевелёв (народники/модернисты, «европеисты»/«органисты»). В восточноевропейской гуманистике в конце прошлого века и в последующие годы, на фоне специфических геополитических обстоятельств в регионе, значительный резонанс получили постколониальные штудии Э. Саида, Г. Спивак, Х.К. Бхабха, давшие методологические импульсы для аналогичных разработок на новом материале.

Все большее внимание, однако, в последние годы привлекает полная, тройная формула — «Чужое–Иное–Свое» и коррелирующего с нею концепта этнокультурного пограничья. А. Сухомлинов, ссылаясь на мнение своей польской коллеги М. Домбровской-Партыки, автора книги «Литература пограничья. Пограничье литератур» [29, с. 10–11], и солидаризуясь с нею, пишет: «В зависимости от политической и социальной конъюнктуры в общественной иерархии преобладают ценности одного из них (компонентов троичной формулы. — Ю.Б.), что является доказательством дихотомии пограничья, то есть постоянного выбора в свете идеологии ксенофобии и толерантности по отношению к Иному» [24, с. 12].

Стимулирующую роль в исследовании проблематики триады «Чужое–Иное–Свое» сыграли идеи и положения теории диалога: «чужое слово» М. Бахтина, «диалогический персонализм» М. Бубера, «онтология культуры» и «культурологика» В. Библера. Принцип диалогизма дополняет и корректирует жесткую формулу «Свое–Чужое», внося в нее момент толерантности за счет включения в дискурс понятия «Иного», в результате чего этот дискурс переключается с режима бинарной оппозиционности («философия противостояния») в режим диалектики пограничья («философия вопрошания»).

Некоторые из относящихся к обозначенному проблемно-тематическому руслу аспектов, тенденций, конкретных примеров, преимущественно из сферы истории украинской литературы или в какой-то мере и форме связанных с нею, рассматриваются ниже, причем — что важно оговорить заранее — без претензии, во-первых, на полноту охвата фактического материала, таковая вообще вряд ли возможна, тем более

в рамках одной статьи, во-вторых, на оптимальную глубину анализа, достижимую лишь на последующих этапах исследования проблематики; пока же выборочность и обзорность в подходе к материалу, по-видимому, неизбежны. При этом взятая для рассмотрения парадигма феноменологических моделей, совокупность приводимых примеров (фрагментов, эпизодов, «случаев») носит не системный, а преимущественно мозаичный (англ. patchwork) характер. Задача системного анализа объекта — украинского этнокультурного пограничья (в широком толковании этого понятия) — не ставилась изначально, не ставилась хотя бы по причине неиерархичности, фрагментарности, несистемности как его «первородной» отличительной черте.

Из некоторого количества элементов выделяются значимые, на взгляд автора, и репрезентативные для данного региона факты, явления, ситуации, укладывающиеся в общую схему типологии этнокультурного пограничья Украины, на этих примерах рассматривается, с учетом специфики каждого, «механизм» соотношений, переходов и трансформаций внутри триады «Чужое–Иное–Свое».

Еще один существенный момент, касающийся методологии анализа. Отмеченные особенности феномена пограничья — его несистемный характер, структурная неоднородность, флуктуационность, множественность параметров и зыбкость границ — ставят исследователя перед необходимостью обновления и совершенствования инструментария. Становится очевидной целесообразность методологического плюрализма, дополнения (а в известном смысле и корректировки) привычных, хрестоматийных методов нетрадиционными научными подходами, более адекватными природе объекта, использования новейших аналитических практик. Под этим углом зрения актуализируется синергетический подход как эффективный в исследовании пограничных, переходных явлений и процессов; в этом же плане могут оказаться полезными — в определенных пределах и при условии соблюдения норм методологической корректности — положения «эстетики корня» Жюлья Делёза и Феликса Гваттари, их теория «ризомы» (франц. rhizome — корень, корневая система), обосновывающая принципиально нелинейную и неиерархическую трактовку понятия целостности, отказ от классического представления о жестко фиксированной структуре (в том числе структуре художественной) в пользу разветвленного «корневища», акцент на гетеро-

генности смыслов, их «текучести», на подвижности контуров и границ семантического поля.

Анализ проблемы проводится:

а) в *концептуальном* аспекте, на уровне формирования исходных теоретических позиций в подходе к проблематике, критериев отбора фактов в соответствии с признаками, характеризующими понятие пограничья как концепт — не в универсальном (по Абельяру или по Локку) толковании, а в интенциональном, по Карнапу, под углом зрения современной теории семантики; концепт — это термин, обозначающий содержание понятия и определяющий фундаментальные различия между фактами, включенными в аналитическое поле, и лежащим вне этого поля рутинным, внесистемным фактологическим материалом; данной проблематике посвящена первая часть настоящей статьи;

б) в аспекте *типологическом*, предполагающем структурирование некоторого количества пограничных литературных моделей (исторических либо современных) в типологические ряды («типология пограничья»), например: пограничные литературные зоны в различных регионах Украины; переходные периоды и состояния в историко-литературном процессе, в языковой сфере, в творчестве и психологии того или иного художника, в развитии и трансформации традиционных форм; реальные или воображаемые, или «фантомные», контактные и «дистанционные» — как пространственные, так и временные; компаративные сопоставления; внутрияжанровые, внутритекстовые, внутриязыковые переходные формы и фронтирные ситуации и т. п.

с) в *ситуативном* аспекте, в рамках которого выборочно рассматриваются конкретные примеры пограничных литературных ситуаций в диахроническом и в синхроническом ракурсах, с учетом контекстуальных факторов — генетического, исторического, геополитического, межнационального, идеологического, социо- и этнокультурного.

* * *

**«Маленький западный полуостров евразийского континента»
(Галичина⁴)**

В центрально-восточной части европейского литературного процесса второй половины XIX — первой половины XX вв., конкретно — в его австрийском и польском сегментах, формируется особое течение, в состав которого входят писатели, своим происхождением, биографической памятью, в той либо иной мере чертами менталитета и творчества были связаны с Галицией, или Галичиной, этим, по выражению Чеслава Милоша, «маленьким западным полуостровом евразийского континента», или (быть может, точнее) «восточным полуостровом Западной Европы», так сказать — «Востоком Запада». Характер этого течения, его природа определялись двумя факторами: специфическими особенностями Галичины как, во-первых, перекрестка исторических судеб народов Центрально-Восточной Европы, уникального локуса этнокультурного пограничья — австро-польско-украинского (с различной степенью включенности в него еврейского, а также венгерского, румынского, словацкого, цыганского элементов), во-вторых — геополитического перекрестка, для которого характерны национальные, политические, ментальные противоречия, взаимные обиды и претензии стран и народов — как уходящие корнями в историю, так и обостренные или рожденные катастрофическими пертурбациями начала XX в. (мировая война, развал империй, перекройка границ и т. п.).

Тема Галичины в творчестве австрийских и польских писателей соотносится с обоими названными факторами; в этнокультурном плане преобладающим, пожалуй, можно назвать первый фактор, что естественным образом связано с биографиями, с окрашенной ностальгическим чувством эмоциональной памятью о детских годах, о людях, природе, традициях карпатского края. В известном смысле это были оставшиеся в далеком прошлом, но сохраненные памятью картины утраченного рая. В известном смысле, однако, разумеется, не в полном, не исчерпывающем, ибо память, конечно же, дополнялась, иногда и корректировалась, зрелой мыслью, жизненным опытом, и тогда в гармонию идеального — или кажущегося

4 Топоним «Галичина» ныне употребляется не только украинскими, но и русскими исследователями, он представляется более органичным и адекватным, чем калька с немецкого топонима Galizien [6, с. 5].

таковым — мира вторгались исторические, социальные, политические диссонансы, неприглядные реалии действительности, национальные, политические и просто «слишком человеческие» предрассудки.

Исследование проблематики, связанной с этнокультурным пространством Галичины как пограничного феномена, активизировалось, в частности в польском и украинском научном сообществе, с 90-х гг. прошлого века; это изданный в Польше англоязычный коллективный труд «Литературная Галичина: от пост-войны к пост-модерну: местный путеводитель к глобальному воображению» [31], работы украинских авторов И. Зимомри, П. Рыхло, Г. Грабовича, Л. Цыбенко, Т. Гаврилива, Я. Лопушанского, А. Сухомлинова, Л. Айзенбарт, данная тема в той или иной степени затрагивается в монографических исследованиях, посвященных отдельным представителям австрийской и польской литератур Новейшего времени.

Австрийский сегмент

Леопольда фон Захер-Мазоха (1836–1895) некоторые его современники, в частности немецкие критики, называли галицким писателем, настолько они были впечатлены тем, как, с каким знанием и с каким искренним чувством он писал об этом крае; кое-кто искал в его происхождении украинскую составляющую, хотя никаких документальных данных, подтверждающих эту версию, нет. Захер-Мазох был писателем австрийским и оставался таковым в своих «галицких» сочинениях, так что ближе к истине были критики в самой Галичине, отмечавшие с удовлетворением, что Захер-Мазох — «первый из чужестранцев», который так пишет о ней. Этими сочинениями писатель расширил рамки европейской украиники, введя в европейский общественный и литературный контекст тему Галичины. Можно пожалеть, что выдвинутый венским психиатром Р. Крафт-Эбингом тезис о психопатологической природе творчества Захер-Мазоха (опирающийся, надо признать, на реальные особенности значительной части произведений писателя, что составляет особую тему) и, соответственно, термин «мазохизм» на долгие годы заслонили в критике и в читательском сознании его «галицкий» творческий дискурс. Ныне, с учетом обогащения научного арсенала новыми методологическими подходами, в частности подходом кросс-культурным, открывается возможность исследования этой части наследия Захер-Ма-

зоха под углом зрения концептуальных и типологических аспектов проблемы этнокультурного пограничья.

Будущий писатель родился в Лемберге/Львове, в пользующейся уважением влиятельной австрийской семье (отец, Леопольд Стефан фон Захер, был директором львовской полиции (см.: [35]), дед по материнской линии, доктор медицины Франц фон Мазох, — депутатом Сословного сейма, он дважды избирался ректором Львовского университета) и прожил там первые двенадцать лет жизни. В многонациональном Львове, на летних вакациях в Винниках, живописном львовском пригороде, в пестрой среде сверстников — детей польских шляхтичей, украинских крестьян, еврейских лавочников, немецких колонистов, мальчик рос в характерной для Галичины атмосфере пограничья. В языковом спектре повседневного общения второе — после польского (немецкий был освоен позднее) — место занимал украинский язык, или, точнее, его гуцульский диалект, воспринятый мальчиком через песни, сказки, легенды от няни Гандзи. Всем этим была заложена основа того духовного индигената, который впоследствии давал писателю моральное право, говоря о Галичине, пользоваться местоименной формулой «у нас». Как и ее стилистическими и семантическими коррелятами — «мы», «наше», «тут», естественно и органично вписывающимися в повествование от первого лица, — форма, не случайно, конечно же, часто встречающаяся в галицком цикле Захер-Мазоха.

Правда, семантические и эстетические функции местоименной формулы «у нас» и ее коррелятов могут быть различными в разных текстах, а иногда меняются в пределах одного и того же текста. Эта переменчивость отражает сложные пограничные процессы внутри триады «Чужое–Иное–Свое», динамику взаимосвязей и соотношений между ее компонентами.

Например, в повести «Венера в мехах», одном из самых известных сочинений Захер-Мазоха, Галичины практически нет, хотя формально действие происходит в ее пределах, проблематика произведения совершенно другая [3]. Для героя Галичина не только не свое, но даже не иное, нечто просто отсутствующее, т. е. в сущности чужое.

Другое дело — рассказы и очерки социально-бытового, этнографического плана («Крестьянский суд», «Праздник обжинок», «Женские образы в Галичине»), сочинения разных жанров, связанные с историческим

прошлым Галичины: романы «Одна галицийская история. Год 1846» и «Гайдамак», очерки и романтико-легендарные новеллы об опиришках, ландшафтные зарисовки и развернутые картины природы карпатского края, к которым современный исследователь вопроса применяет хайдеггеровское понятие «ментальный ландшафт» [25, с. 372].

Надо, впрочем, подчеркнуть, что при всей своей симпатии к Галичине Захер-Мазох остается австрийским писателем. Таковым он, в частности, предстает в аспекте несколько, скажем так, щекотливого свойства.

Дело в том, что подчас, и, заметим, не так уж редко, это понятие оказывается своего рода маркером имперского сознания, для которого Галичина — это «наши восточные земли», неотъемлемая часть Королевства Галиции и Лодомерии, коронной земли Габсбургской монархии. В «галицкий дискурс» писателя Захер-Мазоха врывается голос Захер-Мазоха — верно-подданного империи, ее апологета; таковы, например, рассуждения в финале очерка «Женские образы в Галичине» об «австрийской расе» и роли в ее формировании «галицкой породы». С имперским трендом связана антипольская направленность ряда произведений Захер-Мазоха. Только два характерных примера. В рассказах об опиришках акцентируется их противостояние польским «вельможным панам», этот факт сам по себе не воспринимается как нарушение исторической правды, хотя в акцентуации улавливается очевидная нарочитость. Важнее другое — отсутствие в данной теме австрийского мотива, хорошо, как мы знаем, известно автору, чей отец по роду службы принимал активное участие в «усмирении» опиришек. В очерке «Праздник обжинок» старый русин в разговоре с автором, словно угадывая, чего от него ожидают, вспоминает о тяжелой крестьянской доле «под польским господством» и высказывает большое удовлетворение тем, как, дескать, сразу полегчало после перехода «под Австрию», к «великому цесарю Йосифу». Этот отголосок застарелых геополитических предрассудков — пример, высвечивающий одно из потенциально конфликтных явлений центрально-восточного европейского пограничья/фронта. «Нервом» этого региона как раз и была Галичина⁵.

⁵ С XIV в. до конца XVIII-го галицкие этнические земли были частью Королевства Польского. В результате первого раздела Польши (1772) они, под названием «Галичина», вошли в состав венгерских Земель короны Святого Иштвана, так называемой Транслейтанской части Габсбургской монархии, позднее названной Австро-Венгрией.

Важным компонентом духовного мира и творчества Галичина (частично Буковина) стала и у другого австрийского писателя, младшего современника Захер-Мазоха — Карла Эмиля Францоza (1848–1904)⁶.

В биографиях и творчестве обоих нетрудно отметить пункты типологического подобия, естественно, при различии деталей. Детство, проведенное на галицкой земле; для Францоza местечко Чертков (ныне Чортков) на Тернопольщине было тем же, что Винники для Захер-Мазоха: этническая и языковая пестрота окружения. Француз в своей еврейской семье воспитывался в духе немецких гуманистических традиций, но к немецкому языку он пришел только в немецкой гимназии в Черновцах, в университетах Вены и того же Граца. В Черткове большее влияние на Францоza имели другие факторы: польско-украинско-еврейское языковое пограничье, одесское происхождение матери (по словам авторитетного исследователя, эта «неповторимая смесь русского, украинского и идиша, играющая всеми красками радуги в рассказах Исаака Бабеля, звучала в его ушах с самой колыбели» [23, с. 7]), украинка-няня Марыня, называвшая мальчика по-украински «Милько» и оставившая в его слуховой памяти, как Гандзя у Захер-Мазоха, звучание украинских песен, гуцульского говора.

Таковы были первоначальные импульсы, предпосылки формирования у обоих писателей особого интереса, более того, сентимента по отношению к Галичине, определившего важное — не по объему, а по значимости, — место и роль галицкого дискурса в творчестве обоих.

Что же касается конкретной реализации этого дискурса в текстах, то здесь сочетание сходства и различий выглядит более сложным.

Живые национальные типы, зарисовки сельского быта, галицкой и буковинской природы, колоритные этнографические подробности в посвященных Галичине очерках и рассказах Францоza — «Восстание в Воловцах», «Войт из Бялы», «Ярмарочный день в Барнове», в романе «Борьба за правду», выраженные в них позитивная по отношению к галичанам позиция автора и его благожелательная интонация «рифмуются» с особенностями очерковых сочинений Захер-Мазоха на аналогичные темы, однако по

6 Эту фамилию (нем. Franzose — француз) австрийские чиновники, в соответствии с «Указом о терпимости» императора Иосифа II, присвоили деду писателя, поскольку его отец, М. Левер (евр. Леферт), в 1770 г. приехал вместе с семьей в Галичину (тогда это еще означало — в Польшу) из Франции.

ряду содержательных моментов следует говорить о расхождениях, причем существенных, даже принципиальных. Один из характерных моментов подобного рода — польский мотив. У Захер-Мазоха он, как отмечалось выше, носит выражено антипольский характер. Позиция Францоza в сочинениях острой социальной направленности значительно более взвешена, в его изображении польский помещик Винцентий, надругавшийся над украинской девушкой («Восстание в Воловцах»), и безымянная австрийская администрация, которая карает «гуцульского Карла Моора», бунтующего против польского помещика («Борьба за правду»), — явления одного порядка. Это, по замечанию Д. Наливайко, сближает оба сочинения Францоza «с произведениями украинских писателей-реалистов конца XIX — начала XX вв. о галицком селе, с произведениями Франко и Кобылянской, Стефаника и Черемшины» [22, с. 12].

Надо признать, что в известной мере Францоz отдал дань идее интеграции полиэтнического галицкого компонента в немецкоязычное культурное пространство, но это не была империалистическая стратегия, скорее своего рода гуманитарная утопия, питаемая преклонением перед традицией немецкого гуманизма и предполагающая не поглощение, не насильственное подчинение, а межнациональный и межкультурный диалог. «Миф Австрии, — пишет итальянский ученый Клаудио Магрис, — как посредника между Востоком и Западом нашел в этих таинственных, отдаленных краях (т. е. на галицком Grenzraum — пограничье. — Ю.Б.) свою духовную родину» [32, с. 189]. Одним из выразителей этой тенденции был Францоz с присущей ему высокой степенью того, что можно назвать «интеркультурной компетенцией».

Весьма существенный момент различия двух галицких дискурсов — выход Францоza за рамки Галичины, включение ее в общеукраинский контекст. У Захер-Мазоха такого контекста нет, понятие «Украина» иногда упоминается наряду с «Галичиной», но лишь упоминается. Для Францоza эти понятия неразрывны. Воспоминание о слепом кобзаре, увиденном в детстве на ярмарке («Ярмарочный день в Барнове»; Барнов — литературный «псевдоним» Черткова, ср. Егупец/Киев у Шолом-Алейхема, Бучач/Шебуш у Ш.Й. Агнона), дает импульс размышлениям писателя об украинской думе как хранительнице исторической памяти народа. В очерке «Народная песня малороссов» он рассматривает казацкие думы в сопоставлении с песнями

гуцулов-опришек, подчеркивая в них как черты сходства, так и различия и обращая внимание на то, что, например, гуцульская песня об Олексе Довбуше популярна на всей территории Украины, в частности, в «русской (т. е. восточной. — Ю.Б.) ее части». Примечательно с этой точки зрения название книги Францоza, в которой помещен этот очерк, — «От Дуная до Дона». В этом же сборнике (2-е изд., 1888) Француз публикует работу «Литература малороссов» — первый немецкоязычный историко-литературный обзор от «Слова о полку Игореве» и Киево-Печерского патерика до новой украинской литературы XIX в. Особый интерес австрийского писателя вызывает творчество Т. Шевченко. Высказывая мысль о том, что поэзия Шевченко есть «облагороженная, углубленная народная поэзия», Француз одновременно (заметим, впервые в шевченковедении) обосновывает концепцию ее универсального, общечеловеческого значения, вписывает наследие Шевченко в европейский и мировой литературный контекст [15, с. 52–55; 37, с. 36–43].

Как видим, выход Францоza в общеукраинское пространство означает не просто расширение фактологических рамок, это углубление в фактический материал, репортажно-очерковое начало дополняется, а в значительной мере и вытесняется началом аналитическим. Процесс амбивалентный. С одной стороны, с ним связано повышение уровня содержательной наполненности дискурса, значимости, весомости обобщений и выводов, что, без сомнения, способствует более полному познанию объекта, т. е. Галичины/Украины. Однако — другая сторона процесса — в определенном, прежде всего эмоциональном, смысле это отдаляет объект от реципиента, знание если не вытесняет рефлексии, живое, образное восприятие, то по крайней мере оттесняет их. Если, с учетом данного обстоятельства и под углом зрения триады «Чужое–Иное–Свое», сравнить галицкие дискурсы Францоza и Захер-Мазоха, можно отметить три момента: а) для обоих Галичина изначально не была «чужой»; б) она была для них «иной», влекущей к себе именно инаковостью; в) однако восприятие этой инаковости каждым из писателей имело свои особенности, если для Францоza ее ощущение и осознание было главным и в сущности неизменным, обогащаясь, расширяя свои границы, оно не переходило эти границы, «иное» оставалось самим собою — «иным», то у Захер-Мазоха наблюдаем признаки внутреннего движения к «своему» — пусть не всегда четко выраженного, это скорее намек,

тренд, чем определившаяся черта, но намек, тренд, семантически значимые. Отмеченные различия не несут в себе оценочного смысла — лучше/хуже, они маркируют личностно разные версии, разные концептуальные, типологические и ситуативные аспекты этнокультурного пограничья как реальности и как концепта.

Еще одна его австрийская версия — дискурс (тема, образ, мотив) Галичины у Йозефа Рота (1894–1939), писателя иного поколения, чем Захер-Мазох и Француз. С обоими его сближает факт рождения на галицкой земле, в старинном городе Броды, расположенном когда-то на границе между Галицким и Волынским княжествами, а в пору рождения Рота — вблизи границы между Австро-Венгрией и Волынской губернией Российской империи. С Французом Рота роднит еврейское происхождение, хотя в отличие от старшего собрата он был выходцем из простой, не весьма состоятельной и не слишком благополучной местечковой семьи.

К «галицкой версии» Йозефа Рота приложимы все три компонента этнокультурной триады. Образ Галичины предстает в восприятии и изображении Рота как контрастная совокупность изменчивых соотношений между понятиями «чужого», «иного» и «своего», их взаимозависимости и взаимозаменяемости, «перетеканий» — чаще всего скрытых — одного в другое, более того, изменений сути и смысла (или скорее интерпретации сути и смысла) самих этих понятий. Отчасти здесь сказывается субъективный фактор — особенности стиля, творческой манеры Рота, чей прозаический нарратив отличается значительно большей по сравнению с выдержанной в традиционном стиле повествовательной тканью у Захер-Мазоха и Француза сложностью структуры, смысловой многозначностью. Но есть и другой фактор, объективный, связанный с историей, со временем. Рот, его творчество, в том числе галицкий дискурс, принадлежат другой эпохе — эпохе драматических геополитических пертурбаций в центрально-восточном европейском регионе, мировой войны, распада Австро-Венгрии, послевоенного передела территорий, ломки судеб народов и людей... Во времена Рота, пишá (позаимствуем эту деепричастную форму у Белинского) о Галичине, уже нельзя было ограничиться красочными описаниями ярмарок и праздников обжинок, гуцульских обычаев и обрядов, даже злодеяния польских помещиков и подвиги опришек теряли свою актуальность перед реальной исторической драмой — драмой разрыва связи времен, утраты «большой»,

пусть и несовершенной, но родины — Дунайской империи, и ее неотъемлемой (по мнению Рота, и не только Рота) части, его «малой» родины — Галичины.

Представление об этой нетривиальной австро-галицкой идентичности писателя дает рассказ «Бюст императора», прежде всего образ его протагониста.

...В галицком селе Лопатины живет граф Франц Ксавер Морштин, похоже, что он бывший владелец села, хотя это не уточняется, во всяком случае, лопатинскому люду «казалось, что “граф” — не просто дворянский титул, но и название очень высокой должности». Граф принадлежал к древнему польскому роду, который имел итальянские корни, однако он «не считал себя ни поляком, ни итальянцем, ни польским аристократом, ни аристократом итальянского происхождения», он был «человеком наднациональным», человеком европейского мира, а «маленьким отражением» этого мира «явилась кайзеровско-королевская монархия, и поэтому она была единственной родиной графа».

И вдруг — геополитическая катастрофа: в Вене умирает монарх, «единственная родина» рушится, Лопатины оказываются на временном и ситуативном фронтире — «в бывшей Восточной Галиции, нынешней Польше», и граф, который в представлении лопатинцев «был выше любой должностной инстанции, которую знали и боялись крестьяне и евреи, выше судьбы в ближайшем окружном городке, выше местного окружного начальника», — граф теперь, после поражения Австрии в войне, вынужден объясняться с приехавшим из Лемберга/Львова польским воеводой, — этим, в его глазах, «ничтожным поляком».

В переживаемой графом драме, в его растерянности, гневе, в презрении по отношению к людям, которые «всегда считали себя австрийцами — в Тернополе (так Тернополь назывался до 1944 г. — Ю.Б.), Сараеве, Вене, Брюнне (Брно), Черновцах, Одербурге, Троппау (Опава), — австрийцами и никем другим, теперь <...> стали заявлять о своей принадлежности к польской, чешской, украинской, немецкой, румынской, словенской, хорватской “нации” и т. д.», — во всем этом за слегка иронической интонацией улавливаются отголоски горьких чувств и мыслей автора. Совпадения, разумеется, нет, слишком велика дистанция между судьбами, но есть близкие автору, как и его персонажу, грустная нота, тоскливый мотив утраты того, что казалось надежным, непреходящим.

Село Лопатины ассоциируется с Бродами, шире, с Галичиной. Галичина же отождествляется Ротом с империей, это отождествление — таков психологический парадокс — оборачивается «раздвоением культурно-политической ориентации» [17, с. 168]. Галичина в представлении Рота перестает быть «своей», она обретает «чужие», не приемлемые для него черты, прежде всего рожденные пугающим «требованием времени» — обострением национального начала, тем самым, которое его герой, граф Морштин, характеризовал, со ссылкой на Грильпарцера, формулой «От гуманизма через национализм к зверству». Галичина как реальность уходит из жизни Рота, он покидает ее в 1918 г., на роковом пограничье между «бывшим» и «нынешним», покидает практически навсегда.

Доживающий век на Ривьере граф Морштин, «дряхлый, изможденный человек, который по вечерам играет в шахматы или скат со старыми русскими генералами», напишет в мемуарах: «Монархия, моя старая родина, была большим домом со множеством дверей и комнат для всех людей. Дом разделили, разбили и разрушили. В нем больше нет места для меня». Это могло бы быть самим Ротом написано.

Впрочем, Йозеф Рот тоскует не столько по монархии, сколько по «большому дому» и по своей «комнате» в нем, по Галичине. Возвращаться было некуда, «большой дом» перестал существовать, в «комнату» вселились другие люди, но оставалась возможность — ее никто не мог отнять — возвращения метафорического, мыслью, памятью, творческим воображением. На протяжении своего многолетнего «бегства без конца» (название одного из романов Рота) он, пишет Давид Бронзен, первый биограф Рота, «искал свою утраченную отчизну на многих станциях своих непрерывных блужданий окольными путями самых отдаленных стран Западной Европы. И нашел ее в своем художественном воспроизведении восточного мира» [28, с. 43].

Этим «восточным миром» была Галичина. Она присутствует у Рота во многих произведениях, в разных формах — как образ, тема, сюжет, мотив, зарисовка, с разной степенью значимости семантической и эстетической функции в структуре текста.

Так, в раннем, 1920 г., рассказе «Петро Федорак» Галичины как предметной реальности нет, она присутствует только в размышлениях и воспоминаниях героя, галицкого крестьянина, который, возвращаясь на родину

из Канады, умирает в Вене, на Южном вокзале, в ожидании поезда. Обозначенные в тексте три точки — Канада, куда Петро ездил на заработки, Вена, столица только что распавшейся империи («война закончилась»), и безымянное галицкое село, где Петра ожидали «халупка под соломенной крышей, корова, свинья, жена и ребенок», — эти три точки определяют координаты судьбы как героя рассказа, так и тысяч его земляков, в сущности, всей тогдашней Галичины.

Герой романа «Иов» Мендель Зингер, учитель из галицкого местечка Зухнов, также совершает, подобно Петру Федораку, путешествие за океан. Центральным здесь выступает библейский мотив праведника Иова. На фоне испытаний, насылаемых Богом на Менделя, в памяти и сознании героя в качестве духовного и эмоционального антипода враждебной чужбины (такой воспринимают — по сути, одинаково — Америку иудей Мендель и стоящий за ним Рот, склонявшийся в зрелом возрасте к католицизму) живут картины «потерянного рая» — Галичины, Зухова. В таком же, косвенном, отражении, через образы представителей галицкого еврейства — переписчика Торы Нухима Каптурака и торговца кораллами Ниссена Пиченика, обозначена тема Галичины в повести «Бюст императора» и в рассказе «Левиафан» (еврейский компонент этнокультурных ситуаций в различных пограничных зонах Украины, в частности в украинской литературе, — предмет специального рассмотрения).

В следующем после «Иова» романе Рота, «Марш Радецкого», самом известном и значимом его произведении, тема Галичины, оставаясь, если судить по внешним признакам, на втором плане, переходит из области воспоминаний и рефлексий в сферу реальности, обретает зримые черты. Появляются персонажи-галичане — вестовой Онофрий (укр. Онопрій), помощник лесничего Ян Степанюк, действие, начиная с середины текста, переносится в зону Галичина/Волынь, без труда узнаваемую в «пограничной полосе между Австрией и Россией на северо-востоке империи», здесь, в не названном автором, типично галицком городке с десятью тысячами жителей дислоцируется австрийский егерский батальон, в котором будет служить лейтенант Карл Йозеф фон Тротта; «вблизи находилась деревня Бурдлаки, родина Онофрия. Этот край был родной страной украинских крестьян, их тоскливых гармоник и незабываемых песен...». И именно ему, этому краю, суждено оказаться эпицентром событий, которые положили нача-

ло военным и социальным потрясениям, знаменующим конец Дунайской империи, именно здесь, на геополитическом фронтире, «гибель его (фон Тротта-старшего, отца лейтенанта. — Ю.Б.) мира была видна так же ясно, как видна гроза с окраины города, в то время как над его безмятежными, счастливыми улицами еще высится голубое небо». Гром грянул, и первым встречает войну многоликая толпа насельников приграничного галицкого городка — своего рода этномодель всей Галичины: «Крестьяне в коротких и сильно пахнущих овчинных тулупах, евреи в развешивающихся черно-зеленых лапсердаках, швабские земледельцы в зеленых кафтанах из грубого сукна, польские мещане, торговцы, ремесленники и чиновники окружали домишко таможенного сторожа. На всех четырех его стенах висели огромные плакаты, каждый на другом языке, начинавшиеся обращением императора: “К моим народам!”». Знаковая для этого пограничного региона фигура польского графа Хойницкого — зеркальная версия другого графа, фон Морштина, — в глазах Рота символизирует смену геополитического статуса Галичины, с австрийского на польский, а деградация графа как личности (в эпилоге фон Тротта-старший навещает его в сумасшедшем доме) — исторически преходящий характер этой смены.

И, наконец, после безымянных или зашифрованных местечек, — Львов, главный город Галичины. Год 1924-й.

Голландский журналист Ян Пауль Гинрихс в своей книге «Роковой город» замечает, что Львов был для Рота «лишь транзитным пунктом» [12]. Формально подходя, можно и так сказать, Львов действительно входил в маршрут большого европейского турне писателя — корреспондента газеты «Frankfurter Zeitung». На самом же деле мотив Львова оказался важнейшим, в определенном смысле переломным в галицком дискурсе Рота.

Львов обозначил новый угол зрения писателя на Галичину. «Своя» Галичина осталась в прошлом вместе с «большой родиной», империей, растворилось, исчезло возникшее в свое время, на трагическом переломе, восприятие ее как «чужой». Включенные в журналистский триптих («Frankfurter Zeitung», 20, 22 и 23 февраля 1924 г.) очерки «Путешествие по Галичине», «Лемберг, город» и «Люди и местность (в ориг. нем. Gegend — «край»)» воспринимаются как, в сущности, одно целое; это открытие писателем новой, «иной» Галичины, и главное — открытие не только для себя, но для мира, прежде всего для Европы [18]. На фоне окрашенных носталь-

гией рефлексий Рот с раздражением, в котором легко улавливается обида за близкое, «свое», отзывается о распространенных в некоторых кругах Запада банальных, «дешевых и замусоленных» суждениях о Галичине — такая «цивилизованная спесь», впрочем, «нафталиновая». Да, соглашается Рот, Галичина — это бездорожье, кривые тротуары, да, бедность и темнота крестьянина, и отвратительно обустроенные отели, описанные Альфредом Деблином, и «на базарах продают примитивных деревянных паяцев, как в Европе двести лет назад». Так что же, «Европа тут закончилась?» — спрашивает Рот себя и других. И отвечает: «Нет, не закончилась». И дело не только в том, что «связь между Европой и этим краем, как бы изгнанным» из нее, на самом деле «постоянная и живая», и что здесь много европейских книг и периодики, и что между Веной и Львовом «существует культурный радиообмен». Главный признак «европейскости» Львова — и это парадигмальный тезис Рота, рефрен его «Путешествия по Галичине» — национальное и культурное разнообразие, языковое многоголосье. Львов — «красочное пятно на Востоке Европы», на границе которой, за Львовом, «начинается Россия, другой мир». «Согласно Роту, — пишет Т. Гаврилив, — Львов словно призван быть там, где граница, однако быть там для того, чтобы границу размыывать, преодолевать межи, заботиться о разнообразии, ибо разнообразие для Рота — больше, чем сосуществование, это взаимопроникновение» [11, с. 106].

Метафора такого пограничья — частный случай распространенного в литературе архетипного образа Дома, — это, по Роту, отель, гостиница, прибежище, пусть временное, разных людей (для самого Рота двухдесятилетнего периода европейского бездомья оно было постоянным), переходная зона, промежуточный пункт между началом и концом пути. Таков отель «Савой» в романе писателя «Отель “Савой”», — топос-модель то ли в Бозе почившей Габсбургской монархии («Австрия как Дом»), то ли послевоенной «межвременной» Европы, то ли мира вообще. А быть может, Львова. Правда, прямой ссылки на Львов в книге нет, да и отеля под названием «Савой» во Львове не было, но есть дата написания, и она как раз именно «львовская» — «1924» (см. выше). За образом Львова, его «мифом» встает вся Галичина, какой она в ту пору виделась Роту, — воображаемой, идеализированной, «краем ненационалистическим *par excellence*».

Польский сегмент

Миф Львова, многоликого, изменчивого (по Юрию Андруховичу, это «город стертых границ, плавучий Триест, странствующий Львив, Львув, Львов, Лемберг, Леополис, Сингапур»), — точка соприкосновения двух галицких нарративов, польского и австрийского. Соприкосновения и противостояния. «Возникновение одного мифа, — пишет Г. Грабович в статье «Мифологизации Львова: отголоски присутствия и отсутствия», — требовало возникновения другого в ответ. Как бывает почти во всех таких случаях, коллективная самоидентификация, “свое” или “родное”, определяется в противопоставлении Другому» [13, с. 157]. В статье рассматриваются факты польской и украинской «мифологизаций» Львова, однако исходный принцип исследователя в подходе к проблеме имеет общеметодологическое значение, что, как представляется, делает возможным и корректным применение его в австрийско-польском случае. Тем более что Львов в этом отношении не уникален, Г. Грабович ссылается на ряд схожих ситуаций из европейской истории: это Вильно/Вильнюс, о котором его уроженец Чеслав Милош говорил, что здесь «ни тебе Польша, ни не-Польша, ни тебе Литва, ни тебе не-Литва», это польско-немецкие Gdańsk/Danzig, Breslau/Wroclaw, Posen/Poznań, Stettin/Szczecin, итало-хорватские Trieste/Trst и Fiume/Rijeka, немецко-румынско-украинские Chernowitz/Cernăuți/Чернівці. Хрестоматийный исторический пример — еврейско-европейско-арабский (иудейско-христианско-мусульманский) Иерусалим. Конечно, замечает Г. Грабович, Львов выглядит скромно перед лицом Иерусалима, «но степень эмоциональной и психологической напряженности споров о нем с обеих сторон также близка к предельной», Львов становится своего рода «коррелятом нарративов национального самоутверждения» [13, с. 157].

Здесь у критика опять-таки имеется в виду противостояние польско-украинских львовских мифологических нарративов. В австрийско-польском случае полемический фронт выглядит иначе, уровень напряженности в целом заметно ниже, однако надо иметь в виду, что эмоции и высказывания участников полемики, принадлежащих разным сторонам, не симметричны по степени остроты, это отражает различие политических и психологических ситуаций, в условиях и на фоне которых формируются львовские и шире — галицкие дискурсы сторон. Действуют факторы (воспользуемся дихотомией Грабовича) «присутствия» и «отсутствия».

В сознании Захер-Мазоха, в создаваемом им мире Галичина — объект, реально «присутствующий», часть габсбургской империи, в стабильности которой у писателя нет сомнений, и проскальзывающие в его галицких произведениях антипольские мотивы и реплики, о которых шла речь выше, не носят агрессивного характера, в них чувствуется оттенок снисходительности победителя, утвердившего себя в результате раздела Польши. У польских авторов (заметим: не у всех и не в равной мере) превалируют рефлексии побежденного. Они проявляются в разных вариантах концепта «инаковости». Доминирующая у Франтишека Яворского («О сером Львове») черта — сплав, по выражению Грабовича, «эстетики ностальгии и нескрываемой элегичности». В книге Станислава Василевского «Львовские истории» это проникнутые сарказмом картины «другого», подавстрийского Львова, «куда слетаются политические авантюристы со всего континента», города, жители которого «элегантно общаются по-французски, оккупанты по-немецки, все меньше понимая, что случится с этой Галичиной» — «скрюченной метрополией». Это фантомные боли, отголоски недавней ностальгии (книга Василевского вышла в 1921 г., когда Львов опять стал польским) по утраченному Львову, «плененному льву, связанному, но не покоренному», и это вера в «вечную польскость Львова». Ностальгией окрашены воспоминания Юзефа Витлина «Мой Львов»; хотя на ее фоне в книге присутствует, как во «Львовских историях» Яворского (это, впрочем, характерно для «львовского нарратива» как такового, разного авторства и разных времен), смеховая, анекдотическая, подчас буффонная струя в описаниях этнокультурных и бытовых черт многоукладного города, у этих описаний нет идеологической, тем более политической подоплеки, скорее улавливается фантасмагорическая, почти мистическая составляющая.

Отметив этот случай «присутствия» в польском львовском/галицком дискурсе, обратим внимание на значительно более существенный момент «отсутствия»: в нем практически отсутствует украинский компонент, внимание сосредоточено исключительно на польско-австрийском противостоянии. Словно ни в доавстрийский период, ни в последующие времена на земле Галичины не было ее автохтонного населения, украинцев. Г. Грабович в этой связи ссылается — как на «эмблематический» — фундаментальный труд Витольда Шольгини о Львове, изданный между прочим, уже в 90-е годы прошлого века [33], в котором автор, согласно издательской ан-

нотации, «крупнейший знаток Львова», детально описывает все, вплоть до анекдотов и городского жаргона, аспекты Львова, но «избегает какого-либо намека на украинское присутствие в городе» [13, с. 171]. И это лишь один пример из общего ряда.

Едва ли не единственное исключение из него — «галицкий/гуцульский текст» Станислава Винценца (1888–1971)⁷.

Многое сближает Винценца с его земляками-коллегами, писавшими на ту же тему. Прежде всего это биографическая связь с карпатским краем: рождение в Слободе Рунгурской на Коломыйщине, детские годы в Криворивне над Черемошем, в польско-украинской этнической и культурной среде, украинка-няня Палагна, гимназии в Стрые и Коломые, живое общение с простыми людьми, которые встречались будущему писателю в его походах «по горным тропам, полонинам, гуцульским хатам и хижинам». Вспоминая обо всем этом через много лет в послесловии к первой книге своей тетралогии о Гуцульщине, Винценц напишет: «Вот таковы мои истоки...». Эту тетралогию под названием «На высокой полонине» он начал писать в 1931 г., уединившись в гуцульском селе Быстрица. Там он прожил до «золотого сентября» 1939 г., когда, чудом освободившись из станиславской тюрьмы, нелегально перешел через пограничный горный хребет Черногору в Закарпатье, что в то время означало — в Венгрию, в эмиграцию до конца жизни.

Что же, при этих моментах сходства, отличает Винценца от коллег по «польскому сегменту» (кроме упомянутых выше имен, назову предшественников Винценца — Я. Парандовского, Е. Стемпковского, З. Новаковского, современников — Й. Риттарди, А.Ф. Оссендовского)?

Во-первых, галицкая/гуцульская тема была для его творчества магистральной, практически единственной. Литературную деятельность Винценц начинал с журналистики, с переводов Достоевского и Уитмена. Гуцульские воспоминания и впечатления входят в его творческое воображение постепенно, сначала оформляясь в виде заметок и эссе в периодике, к середине жизненного пути завладевая им безраздельно.

Во-вторых, для Винценца Украина не объект воспоминаний; впрочем, вернее будет сказать — не только такой объект. У Винценца концепт

7 Гуцульщина расположена на границе трех западноукраинских историко-этнографических земель, большая ее часть входит в Галичину, некоторые районы относятся к Буковине и Закарпатью.

Украины-Гуцульщины не лишен личного ностальгического оттенка, но при этом он укоренен в фольклорно-этнографической почве Гуцульщины, в народном мифопоэтическом сознании.

И в-третьих — главное. Образ Гуцульщины Винченза создан поляком, однако национальной ограниченности, нарочитого «польского» акцента, узко, тем более в ущерб кому-либо, в обрисовке этого образа нет. Гуцульский компонент выступает как самоценный и самодостаточный, не зависимый от сторонних влияний и привходящих политических обстоятельств. В этом отразилась отличительная особенность «польскости» Винченза, его идентичности, которой чужды национальная спесь, замкнутость, возвеличивание «своего» за счет «чужого». В его «мифе Гуцульщины» нет бездумной восторженности, которую испытывает доброжелательный, но сторонний автор, Винценз ощущает себя «сыном гуцульского края», воспринимает его как свою родину. Чеслав Милош вспоминал, что Винценз, его земляк и собрат по эмиграции, мечтал о «Европе [многих] рóдин», имея в виду «такие небольшие территориальные образования, как его любимая Гуцульщина», она была для него родиной, как для Милоша Литва, как для других европейцев Уэльс, Бретань, Прованс, Каталония, Страна басков, Трансильвания [20, с. 70].

В предисловии к публикации украинского перевода первой книги тетралогии в львовском журнале «Жовтень» (1969, № 7) Винценз писал: «Гуцульский эпос — одно из немногих уже в Европе мифических преданий, и я, проявляя свои чувства к украинскому народу, не могу сделать ничего лучшего, чем посвятить ему свою книгу. Чтобы он вернул себе то, что представляет собою его собственность и что теперь есть далеко не у каждого из европейских народов».

В одном из разделов тетралогии Винценз пересказывает легенду об Олексе Довбуше и Бааль Шем Тове — Исраэле бен Элизере (1698 [?]–1760), основателе хасидского движения в карпатском крае. Легенда о побратимстве еврейского цадика и украинского национального героя не случайно привлекла внимание Винченза, писателя, «дитя гуцульского края», видел в этой легенде пример высоко ценимых им добрососедских взаимоотношений гуцулов и евреев. Винценз был убежден, что характерные для Гуцульщины различия между идентичностями должны бережно сохраняться, не превращаясь в непреодолимые барьеры. В широком спектре встречающих-

ся в тетралогии Винченца этнических типов второе место, после украинцев и перед поляками, занимают евреи. Писатель здесь отступает от реального соотношения (на самом деле в общем составе населения региона евреи занимали в то время третье место, после поляков и украинцев, составляя около 10–12%, а иногда даже более 30, однако и такое смещение — в пользу еврейского населения — показательно как свидетельство его толерантности, филосемитских симпатий). Эта толерантность писателя, сформированная господствующей в семье и в ближайшем окружении атмосферой толерантности Винченца, базировалась, надо признать, скорее на вере, нежели на знании реальной, весьма противоречивой, отнюдь не благостной, полиэтнической обстановки в регионе, но она питала творчество Винченца, чем, заметим, в значительной степени диссонировала с распространенными в среде его земляков-коллег взглядами.

* * *

В данной статье внимание было сосредоточено на примерах австро-украинской и польско-украинской этнокультурных ситуаций, связанных с западной пограничной зоной, Галичиной, частично Вольнью. Похожие, но весьма специфичные процессы в относящихся к той же западной пограничной зоне таких историко-этнографических областях Украины, как Закарпатье (украинско-венгерское культурное пограничье — [16]) и Буковина (украинско-румынско-польско-еврейское пограничье, так называемый феномен «буковинизма» — [30, с. 1]) должны быть предметом специального рассмотрения. То же касается этнокультурной ситуации в восточном и юго-восточном регионах (Харьков, Донбасс, Приазовье). Существенной и интересной представляется выходящая в общеукраинское культурное пространство проблема украинско-еврейского (еврейско-украинского) этнокультурного, прежде всего литературного, пограничья. Это также отдельная тема.

Список литературы

- 1 *Дашкевич Я.Р.* Большая граница Украины (этнический барьер или этноконтактная зона) // Этноконтактные зоны в европейской части СССР (География, динамика, методы изучения). М.: Московский филиал географического общества СССР, 1989. С. 7–20.
- 2 *Замятина Н.Ю.* Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 75–88.
- 3 *Захер-Мазох Л.* Венера в мехах. *Делёз Ж.* Представление Захер-Мазоха. *Фрейд З.* Работы о мазохизме. М.: РИК «Культура», Ad Marginem, 1992. 380 с.
- 4 *Земсков В.* Цивилизационно-культурное пограничье — универсальная константа и средство самостроения мирового историко-культурного процесса // Проблемы культурного пограничья. Памяти В.Б. Земскова (1940–2012). М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 13–21.
- 5 Кануны и рубежи: типы пограничных эпох — типы пограничного сознания: материалы российско-французской конференции: в 2 ч. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 484 с.
- 6 *Пашаева Н.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М.: ГПИБ, 2001. 201 с.
- 7 Проблемы культурного пограничья. Памяти В.Б. Земскова (1940–2012) / отв. ред. Ю.Н. Гирин. М.: ИМЛИ РАН, 2014. 504 с.
- 8 *Антошкіна Л., Гадинко О., Красовська Г., Сигеда П., Сухомлинов О.* Особливості буковинського пограниччя: історія культурного полілогу. Донецьк: Юго-Восток, 2010. 237 с.
- 9 *Брехуненко В.* Козаки на Степовому Кордоні Європи: Типологія козацьких спільнот XVI — першої половини XVII ст. Київ, Національна академія наук України, Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського, 2011. 505 с.
- 10 *Броніславас Г.* Концепція культури. Сфера взаємодії суміжних культур // Культурологічний часопис «І». 1997. № 10. С. 36–47.
- 11 *Гаврилів Т.* На брамах Європи: Львів та ідея Європи в Йозефа Рота. Інтертекст літературного Львова // Парадига. Збірник наукових праць. Львів, Інститут українознавства ім. І. Крип'кевича НАН України, 2009. Випуск 4. С. 100–110.
- 12 *Гінрікс Я.П.* Lemberg–Lwów–Львів. Фатальне місто. З нідерландської переклав Ярослав Довгопалій. Київ: Видавництво Жупанського, 2010. 144 с.
- 13 *Грабович Г.* Тексти і маски. Київ: Критика, 2005. 310 с.
- 14 *Дашкевич Я.* «...Учи неложними устами казати правду». Исторична есеїстика (1989–2008). Київ: Темпора, 2011. 828 с.
- 15 *Зимомря М.* Карл-Еміль Француз у контексті українсько-німецько-єврейських культурних взаємодій на злами XIX ст. // Єврейська історія та культура в країнах Центральної та Східної Європи. Збірник наукових праць. Київ, 1998. С. 52–55.
- 16 *Зимомря О.* Українсько-угорське помежів'я: особливості літературної взаємодії // Актуальні питання гуманітарних наук: міжвузівський збірник наукових праць мо-

- лодих вчених Дрогобицького державного педагогічного університету імені Івана Франка. Дрогобич, 2014. Вип. 8. С. 360–364.
- 17 *Ісасевич Я.* Галичина у Габсбурзькій монархії: національно-політичні рухи і культурний плюралізм // Українська література в Австрії, австрійська — в Україні (матеріали міжнародного симпозіуму). Київ: Брама ЛТД, 1994. С. 163–171.
- 18 *Йозеф Рот.* Мандрівка по Галичині // Культурологічний часопис «І». 1995. № 6. С. 42–47.
- 19 *Каяк С.М.* Запорозьке козацтво і Великий степовий кордон (друга половина XVIII — початок XIX ст.) // Четвертий міжнародний конгрес українців. Історія. Одеса, 1999. Ч. 1. С. 241–246.
- 20 *Мілош Ч.* Велике князівство літератури. Вибрані есеї. Київ: Дух і літера, 2011. 440 с.
- 21 *Наливайко Д.* Очима Заходу. Рецепція України в Західній Європі XI–XVIII ст. Київ: Основи, 1998. 577 с.
- 22 *Наливайко Д.* Українська тема в творчості К.-Е. Францоza // *Француз К.-Е.* За правду: Роман, повість, оповідання / пер. з нім.; прим. М. Зимомрі. Ужгород: Карпати, 1982. С. 5–20.
- 23 *Рихло П.* Український мередіан Карла Еміля Францоza // Карл Еміль Француз. Україніка. Культурологічні нариси. Упорядкування, переклад з німецької, передмова й коментар Петра Рихла. Чернівці: Книги — XXI, 2010. С. 7–20.
- 24 *Сухомлинов О.* Культурні пограниччя: новий погляд на стару проблему. Донецьк: Юго-Восток, 2008. 190 с.
- 25 *Цибенко Л.* Післямова // *Захер-Мазох Л.* Вибрані твори. Львів: Літопис, 1999. С. 363–383.
- 26 *Чижевський К.* Лінія повернення. Про практику прикордоння у діалозі з Чеславом Мілошем. Львів: Кальварія, 2013. 248 с.
- 27 *Чорновол І.* Компаративні фронтири. Світовий і вітчизняний вимір. Київ: Критика, 2015. 376 с.
- 28 *Bronsen D. Joseph Roth. Eine Biographie.* Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1974. 713 S.
- 29 *Dąbrowska-Partyka M.* Literatura pogranicza. Pogranicze literatur. Kraków: Wydawnictwo UJ, 2004. 264 s.
- 30 *Koseski A.* W kręgu Bukowiny // O Bukowinie. Razem czy oddzielnie? / Pod red. K. Feleszki. Warszawa-Piła, 2000. 336 s.
- 31 *Literary Galicia: from post-war to post-modern: a local guide to the global imagination* / ed. by Adam Michajłow. Kraków: Oficyna Literacka, 1991. 191 p.
- 32 *Magris C.* Der habsburgische Mythos in der modernen österreichischen Literatur. Wien: Paul Zsolnay Verlag, 2000. 416 S.
- 33 *Szolgina W.* Tamten Lwów. Wrocław: Wydawnictwo Wysoki Zamek, 1992–1994.
- 34 *Uliasz S.* O literaturze kresów i pograniczu kultur. Rozprawy i szkice. Rzeszów, 2001. 218 s.

- 35 *Vushko I.* The Politics of Cultural Retreat: Imperial Bureaucracy in Austrian Galicia, 1772–1867. New Haven: Yale University Press, 2015. 328 P.
- 36 *Waldenfels B.* Topographie des Fremden. Studien zur Phänomenologie des Fremden. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1997. 240 S.
- 37 *Zymomrja M.* Deutschland und Ukraine: durch die Abrissee zur Wechselseitigkeit von Kulturen. Fürth/Bayern: Flacius Verlag, 1999. 156 S.

References⁸

- 1 Dashkevich Ia.R. Bol'shaia granitsa Ukrainy (etnicheskii bar'er ili etnokontaktnaia zona) [A large Ukrainian border (ethnic barrier or ethno-contact zone)]. *Etnokontaktnye zony v evropeiskoi chasti SSSR (Geografiia, dinamika, metody izucheniia)* [Ethno-contact zones in the European part of the USSR (Geography, dynamics, and methods of study)]. Moscow, Moskovskii filial geograficheskogo obshchestva SSSR Publ., 1989, pp. 7–20. (In Russ.)
- 2 Zamiatina N.Iu. Zona osvoeniia (frontir) i ee obraz v amerikanskoi i russkoi kul'turakh [The zone of development (frontier) and its image in American and Russian cultures]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 1998, no 5, pp. 75–88. (In Russ.)
- 3 Zakher-Mazokh L. *Venera v mekhakh* [Venus in furs]. Delez Zh. *Predstavlenie Zakher-Mazokha* [Masochism: Coldness and cruelty]. Freid Z. *Raboty o mazokhizme* [Works on masochism]. Moscow, RIK "Kul'tura", Ad Marginem Publ., 1992. 380 p. (In Russ.)
- 4 Zemskov V. Tsvivilizatsionno-kul'turnoe pogranch'e – universal'naia konstanta i sredstvo samostroeniia mirovogo istoriko-kul'turnogo protsessa [Civilizational-cultural frontier – a universal constant and the means of self-construction of the global historical and cultural process]. *Problemy kul'turnogo pogranch'ia. Pamiati V.B. Zemskova (1940–2012)* [Problems of the cultural frontier. In memory of V.B. Zemskov (1940–2012)]. Moscow, IWL RAS Publ., 2014, pp. 13–21. (In Russ.)
- 5 *Kanuny i rubezhi: tipy pogranychnykh epokh – tipy pogranchnogo soznaniia: materialy rossiisko-frantsuzskoi konferentsii: v 2 ch.* [Eves and frontiers: Types of borderland epochs – types of borderland awareness: Proceedings of the Russian-French conference: in 2 parts]. Moscow, IWL RAS Publ., 2002. 484 p. (In Russ.)
- 6 Pashaeva N. *Ocherki istorii russkogo dvizheniia v Galichine XIX–XX vv.* [Essays on the history of the Russian movement in Galicia in the 19th – 20th centuries]. Moscow, GPIB Publ., 2001. 201 p. (In Russ.)
- 7 *Problemy kul'turnogo pogranch'ia. Pamiati V.B. Zemskova (1940–2012)* [Problems of cultural frontier. In memory of V.B. Zemskov (1940–2012)], ed. by Iu.N. Girin. Moscow, IWL RAS Publ., 2014. 504 p. (In Russ.)
- 8 Antoshkina L., Gadinko O., Krasovs'ka G., Sigeda P., Sukhomlinov O. *Osoblivosti bukovins'kogo pogranchchia: istoriia kul'turnogo polilogu* [Features of the Bukovinian

8 Транслитерация осуществлена редакцией в соответствии с программой <https://translit.ru/> [вариант системы Библиотеки Конгресса (LC)].

- borderland: the history of the cultural polylogie]. Donets'k, Iugo-Vostok Publ., 2010. 237 p. (In Ukrainian)
- 9 Brekhunenko V. *Kozaki na Stepovomu Kordoni Evropi: Tipologii kozats'kikh spil'not XVI – pershoi polovini XVII st.* [Cossacks on the Steppe Border of Europe: Typology of the Cossack communities of the 16th – the first half of the 17th century]. Kiev, Natsional'na akademiia nauk Ukraïni. Institut ukrains'koï arkheografii ta dzhereloznavstva im. M.S. Grushevs'kogo Publ., 2011. 505 p. (In Ukrainian)
- 10 Bronislovas Ī. Kontsepsiia kul'turi. Sfera vzaemodii sumizhnikh kul'tur [The concept of culture. Sphere of the interaction of different cultures]. *Kul'turologichnii chasopis "Ī"*, 1997, no 10, pp. 36–47. (In Ukrainian)
- 11 Gavriliv T. Na bramakh Evropi: L'viv ta ideia Evropi v Iozefa Rota. Intertekst literaturnogo L'vova [At the gates of Europe: Lviv and the idea of Europe in Joseph Root. Inter-text of the literary Lviv]. *Paradiga. Zbirnik naukovikh prats'* [Paradig. Collection of works]. L'viv, Institut ukraïnoznavstva im. I. Krip'kevicha NAN Ukraïni Publ., 2009, issue 4, pp. 100–110. (In Ukrainian)
- 12 Ginrikhs Ia.P. *Lemberg–Lwów–L'viv. Fatal'ne misto. Z niderlands'oi pereklav Iaroslav Dovgopalii* [Lemberg–Lwów–Lviv. Fatal city. From Dutch translated by Yaroslav Dovgopaly]. Kiev, Vidavnistvo Zhupans'kogo Publ., 2010. 144 p. (In Ukrainian)
- 13 Grabovich G. *Teksti i maski* [Texts and masks]. Kiev, Kritika Publ., 2005. 310 p. (In Ukrainian)
- 14 Dashkevich Ia. “...Uchi nelozhnimi ustami kazati pravdu”. *Īstorichna eseistika (1989–2008)* [“...Learn to tell the truth with a false tone”. Historical essays (1989–2008)]. Kiev, Tempora Publ., 2011. 828 p. (In Ukrainian)
- 15 Zimomria M. Karl-Emil' Frantsoz u konteksti ukrains'ko-nimets'ko-evreis'kikh kul'turnikh vzaemodii na zlami XIX st. [Carl Emil Franzoz in the context of Ukrainian-German-Jewish cultural interactions at the turn of the 19th century]. *Evreis'ka istoriia ta kul'tura v kraïnakh Tsentral'noi ta Skhidnoi Evropi. Zbirnik naukovikh prats'* [Jewish history and culture in Central and Eastern Europe. Collection of works]. Kiev, 1998, pp. 52–55. (In Ukrainian)
- 16 Zimomria O. Ukrains'ko-ugors'ke pomeziv'ia: osoblivosti literaturnoi vzaemodii [Ukrainian-Hungarian classroom: features of literary interaction]. *Aktual'ni pitannia humanitarnikh nauk: oi mizhvuziv'skii zbirnik naukovikh prats' molodikh vchenikh Drogobits'kogo derzhavnogo pedagogichnogo universitetu imeni Īvana Franka* [Actual Issues of the Humanities: oi Interuniversity Collection of Scientific Papers of Young Scientists at Ivan Franko Drohobych State Pedagogical University]. Drohobich, 2014, issue 8, pp. 360–364. (In Ukrainian)
- 17 Isaevich Ia. Galichina u Gabsburz'kii monarkhii: natsional'no-politichni rukhi i kul'turnii pliaralizm [Galicia in the Habsburg monarchy: national-political movements and cultural pluralism]. *Ukrains'ka literatura v Avstrii, avstriis'ka – v Ukraïni (materiali mizhnarodnogo simpoziumu)* [Ukrainian literature in Austria, Austrian literature in

- Ukraine (materials of the international symposium)]. Kiev, Brama LTD Publ., 1994, pp. 163–171. (In Ukrainian)
- 18 Iozef Rot. Mandrivka po Galichini [Journey through Galicia]. *Kul'turologichnii chasopis "Ť"*, 1995, no 6, pp. 42–47. (In Ukrainian)
- 19 Kaiuk S.M. Zaporoz'ke kozatstvo i Velikii stepovii kordon (druga polovina XVIII – pochatok XIX st.) [Zaporozhye Cossacks and the Great Steppe Cordon (the second half of the 18th – the beginning of the 19th centuries)]. *Chetvertii mizhnarodnii kongres ukraïnistiv. Īstoriia* [The Fourth International Congress of Ukrainianists. History]. Odesa, 1999, part 1, pp. 241–246. (In Ukrainian)
- 20 Milosh Ch. *Velike kniazivstvo literaturi. Vibrani eseї* [Great Principality of Literature. Selected essays]. Kiev, Dukh i litera Publ., 2011. 440 p. (In Ukrainian)
- 21 Nalivaiko D. *Ochima Zakhodu. Retseptsiia Ukraїni v Zakhidnii Evrovpі XI–XVIII st.* [The West's eyes. Reception of Ukraine in Western Europe, 11th – 18th centuries]. Kiev, Osnovi Publ., 1998. 577 p. (In Ukrainian)
- 22 Nalivaiko D. Ukraїns'ka tema v tvorchości K.-E. Frantsoza [Ukrainian theme in the work of K.E. Franzosa]. *Frantsoz K.-E. Za pravdu: Roman, povist', opovidannia* [For the sake of truth: novel, novella, and short story], transl. from German, note by M. Zimomri. Uzhgorod, Karpati Publ., 1982, pp. 5–20. (In Ukrainian)
- 23 Rikhlo P. Ukraїns'kii meredian Karla Emilia Frantsoza [Ukrainian Meridian Carl Emil Franzosa]. *Karl Emil' Frantsoz. Ukraїnika. Kul'turologichni narisі. Uporiadkuvannia, pereklad z nimets'koї, peredmovā i komentar Petra Rikhla* [Carl Emil Franzos. Ukraine cultural studies. Comp., translation from German, introd. and comments by Peter Rickle]. Chernivtsi, Knigi – XXI Publ., 2010, pp. 7–20. (In Ukrainian)
- 24 Sukhomlinov O. *Kul'turni poganichchia: novii pogliad na staru problemu* [Cultural frontier: a new look at the old problem]. Donets'k, Iugo-Vostok Publ., 2008. 190 p. (In Ukrainian)
- 25 Tsibenko L. Pisliamova [Afterword]. *Zakher-Mazokh L. Vibrani tvori* [Sacher Masoch Selected works]. L'viv, Litopis Publ., 1999, pp. 363–383. (In Ukrainian)
- 26 Chizhevs'kii K. *Liniia povernennia. Pro praktiku prikordonnia u dialozi z Cheslavom Miloshem* [Return line. About the practice of border guard in dialogue with Cheslaw Milos]. L'viv, Kal'variia Publ., 2013. 248 p. (In Ukrainian)
- 27 Chornovol I. *Komparativni frontiri. Svitovii i vitchiznianii vimir* [Combinatory frontiers. World and domestic dimensions]. Kiev, Kritika Publ., 2015. 376 p. (In Ukrainian)
- 28 Bronsen D. *Joseph Roth. Eine Biographie*. Köln, Kiepenheuer & Witsch, 1974. 713 S. (In German)
- 29 Dąbrowska-Partyka M. *Literatura pogranicza. Pogranicze literatur*. Kraków, Wydawnictwo UJ, 2004. 264 p. (In Polish)
- 30 *Koseski A. W kręgu Bukowiny. O Bukowinie. Razem czy oddzielnie?* Ed. by K. Feleszki. Warszawa-Piła, 2000. 336 p. (In Polish)

- 31 *Literary Galicia: from post-war to post-modern: a local guide to the global imagination*, ed. by Adam Michajłow. Kraków, Oficyna Literacka, 1991. 191 p. (In English)
- 32 Magris C. *Der habsburgische Mythos in der modernen österreichischen Literatur*. Wien, Paul Zsolnay Verlag, 2000. 416 S. (In German)
- 33 Szolginia W. *Tamten Lwów*. Wrocław, Wydawnictwo Wysoki Zamek, 1992–1994. (In Polish)
- 34 Uliasz S. *O literaturze kresów i pograniczu kultur. Rozprawy i szkice*. Rzeszów, 2001. 218 p. (In Polish)
- 35 Vushko I. *The Politics of Cultural Retreat: Imperial Bureaucracy in Austrian Galicia, 1772–1867*. New Haven, Yale University Press, 2015. 328 p. (In English)
- 36 Waldenfels B. *Topographie des Fremden. Studien zur Phänomenologie des Fremden*. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1997. 240 S. (In German)
- 37 Zymomrja M. *Deutschland und Ukraine: durch die Abrisse zur Wechselseitigkeit von Kulturen*. Fürth/Bayern, Flacius Verlag, 1999. 156 S. (In German)